

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ОБЩЕСТВА «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ» 1860-х годов

Я. И. Линков

Исследование истории общества «Земля и воля» 60-х годов имеет большое научное значение. «Земля и воля» — первая организация в России, провозгласившая основой своей деятельности революционную борьбу за сокровенные интересы широких крестьянских масс. Это нашло отражение в самом ее названии и в основном политическом лозунге. В. И. Ленин писал, что «лозунг черного передела или земли и воли, —...распространеннейший лозунг крестьянской массы, —... страстно ищущей света и счастья...»¹. В 1905 г. на вопрос «К чему стремится современное крестьянское движение в России?» Ленин отвечал: «К земле и воле. — Какое значение будет иметь полная победа этого движения? Добившись воли, оно устранил господство помещиков и чиновников в управлении государством. Добившись земли, оно передаст помещичьи земли крестьянам»².

История «Земли и воли» до последнего времени была слабо разработана. Ее первый историограф, Н. И. Утин³, опубликовал в 1868 г. в редактируемом им журнале «Народное дело» большую статью «Пропаганда и организация. Дело прошлое и дело нынешнее», представляющую собой не что иное, как очерк истории «Земли и воли», изложенной в общих чертах, без упоминания имен. Его ценность обусловлена тем, что он написан одним из руководящих деятелей общества.

М. К. Лемке в своих комментариях к полному собранию сочинений и писем А. И. Герцена дал, по существу, краткий очерк истории организации, основанный главным образом на воспоминаниях землевольцев А. А. Слепцова, Г. П. Гофштетера и И. И. Шамшина⁴.

Отдельные вопросы истории «Земли и воли» затронуты в книгах Б. П. Козьмина и ряде его статей⁵. Е. И. Кушева опубликовала прокламации «Земли и воли» с предисловием «К истории взаимоотношений А. И. Герцена и Н. П. Огарева с «Землей и волей» 1860-х гг.»⁶. Роль Герцена и Огарева в создании «Земли и воли», в ее деятельности за 1861—1862 гг. и вторую половину 1863 г. автором предисловия не показана. Этому вопросу, а также роли Чернышевского и Добролюбова, Герцена и Огарева в разработке программно-тактических и организационных

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 92—93.

² Там же, стр. 410.

³ О Н. И. Утине см. «Литературное наследство». Т. 63. Вступительная статья Б. П. Козьмина к письмам Н. И. Утина, стр. 607—624.

⁴ См. А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под редакцией М. К. Лемке. Птрг. 1920. Т. XVI, стр. 69—102, 155—176.

⁵ Б. П. Козьмин. Харьковские заговорщики. 1923; его же. Казанский заговор 1863 г. М. 1929; его же. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». М. 1932; его же. Русская секция I Интернационала. М. 1957; его же. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». «Литературное наследство». Т. 41—42. М. 1941, стр. 7—95; его же. Утин — Герцену и Огареву. «Литературное наследство». Т. 62. 1955, стр. 607—625.

⁶ Е. Кушева. К истории взаимоотношений А. И. Герцена и Н. П. Огарева с «Землей и волей» 1860-х годов. «Литературное наследство». Т. 41—42, стр. 82—105.

принципов общества посвящены специальные статьи⁷. В 1957 г. появилась очень содержательная работа М. В. Нечкиной «Земля и воля» 1860-х гг., построенная на анализе хранящихся в ЦГИАМ следственных материалов по делу Андрущенко⁸.

Круг источников по истории «Земли и воли» весьма обширен. Первое место в нем принадлежит революционной прессе эпохи падения крепостного права и прежде всего изданиям Вольной русской типографии. Особое значение имеют листки «Свободы» № 1 и № 2, именуемой Н. И. Утиным «непосредственным органом «Земли и воли», первый номер журнала «Земля и воля» и журнал «Народное дело», в котором напечатаны ценные материалы по истории тайной организации 60-х годов в России. Важнейшим источником является журнал «Современник», на страницах которого систематически пропагандировалась идеология тайного общества. Большое значение имеют письма⁹ активных деятелей «Земли и воли» и близких к организации лиц: А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, М. А. Бакунина, братьев Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей, Н. И. Утина и др. Очень ценны некоторые сохранившиеся конспиративные документы, занесенные в записные книжки Огарева; часть из них имеет пометки Герцена.

В ряду источников необходимо назвать воспоминания. В 60-х годах А. И. Герцен в главах «Былого и дум», «Апогей и перигей», «Бакунин и польское дело» запечатлел некоторые стороны своей деятельности в «Земле и воле». М. К. Лемке опубликовал в комментариях к XVI тому полного собрания сочинений и писем Герцена записи воспоминаний члена Центрального комитета «Земли и воли» А. А. Слепцова и землевольцев Г. П. Гофштетера и И. И. Шамшина. В 1906 г. появились в печати воспоминания Л. Ф. Пантелеева¹⁰. Хотя автор оговаривает, что для него в истории этого общества «многое осталось неизвестным», «а из того, что знал — немалая доля улетучилась из памяти»¹¹, тем не менее он дает сведения, существенно дополняющие другие источники.

Возникшие в результате ареста ряда руководителей и активных деятелей организации судебно-следственные материалы входят серьезным компонентом в круг источников. Многие из этих документов опубликованы в «Колоколе» («Дело Андрущенко» и др.), а также в комментариях М. К. Лемке к полному собранию сочинений и писем А. И. Герцена. Им же были изданы книги, содержащие материалы судебно-следственного характера: «Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», «Политические процессы в России 1860-х гг.»¹². В 1923 г. вышел сборник «Политические процессы 60-х годов» под редакцией Б. П. Козьмина. Разносторонние материалы опубликованы в тт. 39—40, 41—42, 61, 62, 63, 64 «Литературного наследства», посвященных Герцену и Огареву.

⁷ Я. И. Линков. Роль А. И. Герцена и Н. П. Огарева в создании и деятельности общества «Земля и воля». «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 114—130; е го же. Проблема революционной партии в России в эпоху падения крепостного права. «Вопросы истории», 1957, № 9, стр. 57—70.

⁸ М. В. Нечкина. «Земля и воля» 1860-х гг. Журнал «История СССР», 1957, № 1, стр. 105—133. Кроме того, серьезным вкладом в изучение истории общества являются статьи М. В. Нечкиной «Н. П. Огарев в годы революционной ситуации» (см. «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии. Т. IV, № 2, 1947, стр. 105—122) и «Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.)» («Литературное наследство». Т. 61. 1953, стр. 459—492).

⁹ А. И. Герцен дал замечательно меткую характеристику писем как историческо-го источника: «Письма — больше, чем воспоминанья; на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее как оно было, задержанное и нетленное» (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XII, стр. 306).

¹⁰ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.-Л. 1934.

¹¹ Там же, стр. 252.

¹² М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб. 1908; е го же. Политические процессы в России 1860-х гг. М. 1923.

Преобладающая часть указанных материалов до последнего времени крайне слабо вовлекалась в научный оборот.

Многие весьма существенные вопросы истории «Земли и воли» вообще не нашли полного отражения в источниках. Это касается персонального состава первого и затем второго центров «Земли и воли», действовавших до осени 1862 г., состава Центрального комитета, общей численности тайного общества и его отделений, конспиративных совещаний членов общества, существа внутренних идейно-политических разногласий.

В историографии «Земли и воли» до сих пор не было работы, в которой бы характеризовался весь процесс ее развития на основе четкой периодизации. В данной статье сделана попытка в какой-то мере восполнить этот пробел.

Анализ фактов обуславливает следующую периодизацию возникновения и развития «Земли и воли».

Своеобразным прологом к истории «Земли и воли» были 1853—1861 гг., когда происходило ее идейное подготовление, возникли и действовали непосредственные предшественники «Земли и воли» — революционные кружки и тайные общества главным образом в университетских городах России.

Собственно история «Земли и воли» подразделяется на три этапа. Первый этап: середина 1861 — ноябрь 1862 года. В это время протекал процесс объединения обособленно существовавших кружков и тайных обществ во всероссийскую организацию, разрабатывались идейно-теоретические основы «Земли и воли», тактика революционной борьбы. Второй этап: ноябрь 1862 — лето 1863 г., когда «Земля и воля», возглавляемая Центральным комитетом (именовавшимся Русским центральным народным комитетом), а затем и Советом общества, намечала на весну — лето 1863 г. всенародное вооруженное восстание и реализовывала мероприятия, направленные на его подготовку. Третий этап: лето 1863 — март 1864 г., когда лозунг восстания как непосредственной задачи дня был снят и под ударами реакции «Земля и воля» свернула свою деятельность, объявив о ее временном прекращении. Эпилогом истории общества были 1864—1865 годы. Тогда зарубежные землеволы, Герцен и Огарев пытались продолжить активную революционную деятельность в том же направлении, в каком действовала «Земля и воля».

Процесс ее идейного подготовления исходными нитями тянется к тому времени, когда Герцен в Лондоне основал вольное русское книгопечатание и тем самым положил начало своей открытой борьбе с самодержавием. Впоследствии он писал: «Я сосредоточил все мои силы на образовании центра русской пропаганды в Лондоне»¹³ (разрядка моя.— Я. Л.).

К концу 50-х годов на всю Россию зазвучал мощный голос «Колокола». Революционная агитация зарубежного центра оказывала сильное влияние на дальнейшее развитие русского освободительного движения.

В условиях демократического подъема, а затем революционной ситуации эти издания воздействовали прежде всего на молодое поколение сформировавшейся в России новой, разночинной интеллигенции, главным образом учащихся — студентов университетов и слушателей других учебных заведений.

В стране возникали революционные организации в виде тайных кружков и обществ — в Харькове, Киеве, Москве, Перми и других городах.

¹³ «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне». Сборник ее первых листов, составленный и изданный Л. Чернецким. Лондон. 1863, стр. 158—159.

Их участники стремились расширить свои немногочисленные ряды и развернуть революционно-просветительную деятельность в народных массах. Революционные организации 50-х годов были непосредственными предшественниками и в значительной степени послужили основой для формирования общества «Земля и воля». Среди них наибольшее значение имели Харьковско-киевское тайное общество и «Библиотека казанских студентов», в числе организаторов которой находились ученики Н. Г. Чернышевского по саратовской гимназии¹⁴.

В 1856—1857 гг. в самой России вокруг журнала «Современник» стал складываться еще один центр русской революционной пропаганды. Во главе его становятся Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

В лице их на арену борьбы с царизмом и крепостничеством вышло второе поколение русского освободительного движения — разночинно-демократическая интеллигенция. Чернышевский и Добролюбов в выступлениях на страницах «Современника» проявили целеустремленность и последовательность в идейно-политическом воспитании русской интеллигенции в духе ненависти к самодержавно-крепостническому строю. Они направляли передовую молодежь не к стихийному протесту, а к планомерной революционной борьбе. При этом Чернышевский и Добролюбов всегда рассматривали народные массы, и прежде всего крестьянство, как решающую силу революционного переворота. Будучи идеологами и выразителями интересов крестьянской демократии, они призывали разночинную интеллигенцию к революционной работе среди крестьянства.

Несомненно, что наряду с «Колоколом» и другими изданиями Вольной русской типографии «Современник» сыграл важную роль в появлении революционных кружков. Эзоповский язык журнала был хорошо понятен его читателям, ибо, как замечал В. И. Ленин, «русский человек прошел многовековую школу рабства: он умеет читать между строк...»¹⁵. Агитация Герцена способствовала росту нового поколения освободительного движения, восприятию революционной пропаганды Чернышевского и Добролюбова. Один из современников писал: «Им (Герценом.— Я. Л.) мы были подготовлены к пониманию Чернышевского»¹⁶.

В ходе усиливавшейся с каждым годом классово-политической борьбы крестьян складывались взаимоотношения обоих революционных центров — лондонского и петербургского. Взаимоотношения эти определялись общностью цели в борьбе против крепостничества, за политическое освобождение России. Вместе с тем возникли идейные разногласия между Чернышевским, Добролюбовым и их единомышленниками, с одной стороны, и Герценом и Огаревым — с другой, связанные с либерально-реформаторскими иллюзиями последних. Все отчетливее становилось резкая поляризация социально-политических сил, отделение революционно-демократической тенденции от либеральной и стремление определить пути и средства борьбы за поставленные цели, объединить свои действия в рамках единой организации.

Ценнейшим вкладом зарубежного революционного центра в освободительную борьбу было применение им различных средств печатной агитации и пропаганды (листочки, брошюры, книги, журналы, газеты) и связь их с злободневными интересами народных масс и разночинной интеллигенции. Агитация Герцена и Огарева в этот период не только охватывала широкие слои разночинной и передовой дворянской интеллигенции, но и, несмотря на все трудности и препятствия, в какой-то мере провралась к народу (в этом сказалось новое качество русского освободи-

¹⁴ На это указали Г. Н. Вульфсон и Е. Г. Бушканец в работе «Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 гг.». Казань. 1955, стр. 98.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 250.

¹⁶ См. «Литературное наследство». Т. 41—42, стр. 176.

тельного движения). Важнейшим фактом следует считать возникновение во многих пунктах России воскресных школ, организованных при активном участии революционной демократии, стремившейся использовать их не только для поднятия общей культуры народных масс, но и для революционной пропаганды.

Идейная подготовка революционной партии выражалась прежде всего в воспитании интеллигенции в духе ненависти к крепостничеству и самодержавию, в духе идей утопического социализма. Большую роль здесь играла борьба с либерализмом, которая велась на страницах «Современника» и «Колокола». Крупнейшее значение приобретала деятельность по распространению изданий Вольной русской типографии, в которую вовлекались в той или иной степени внутри России сотни людей. Это практическое дело сплачивало их, способствовало появлению и развитию революционных кружков, воспитанию деятелей будущей русской революционной партии.

На пороге и в ходе развития революционной ситуации завязались личные связи Герцена и Огарева с будущими активными деятелями «Земли и воли»: братьями Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичами, А. А. Слепцовым и такими выдающимися участниками освободительной борьбы, как М. И. Михайлов и Н. В. Шелгунов. Эти же и многие другие люди группировались вокруг Чернышевского и Добролюбова, которые, по всей вероятности, пытались в то время создать революционную организацию в Петербурге как основу для объединения всех сил русского освободительного движения.

После падения крепостного права в обстановке развернувшегося по всей стране крестьянского движения революционная демократия начала создавать тайное общество всероссийского масштаба.

Н. И. Утин писал: «Конспиративное... значение общества «Земля и воля» заключалось в поставленной им задаче — слить все отдельные революционные общества и кружки в одно целое, связанное для дружного, общего действия в одинаковом единомысленном смысле»¹⁷. Следовательно, речь шла именно об объединении разобщенных по отдельным городам и районам страны революционных организаций. «То было дело не отдельных авторитетных зачинателей, а целых кружков и ассоциаций, выросших одновременно повсюду на русской почве и отовсюду искренне шедших к общему объединению»¹⁸. Необходимо было прежде всего создать всероссийский центр, который взял бы на себя выполнение этой самой главной тогда задачи русского освободительного движения.

Один из организаторов «Земли и воли», А. А. Слепцов, в своих воспоминаниях рассказал о встречах с А. И. Герценом в 1860 г. и Н. Г. Чернышевским в 1861 году¹⁹. Встречи эти имели решающее значение для создания общества.

Как и почему попал А. А. Слепцов к Н. Г. Чернышевскому? Инициатором встречи, есть все основания полагать, являлся Н. Г. Чернышев-

¹⁷ Н. И. Утин. Пропаганда и организация. Дело прошлое и дело нынешнее. Журнал «Народное дело», 1868, № 2—3, стр. 33.

¹⁸ Там же, стр. 28.

¹⁹ До последнего времени воспоминания А. А. Слептова были известны по X тому полного собрания сочинений А. И. Герцена, где они были помещены М. К. Лемке в качестве комментариев (стр. 425—427). Ныне В. Боградом в фондах Государственного литературного архива найдена копия, снятая М. Н. Чернышевским (сыном) с текста воспоминаний А. А. Слептова, где приводится в несколько иной редакции, чем в тексте, опубликованном Лемке, рассказ А. А. Слептова о первом посещении Н. Г. Чернышевского и ранее неизвестный текст об ответном посещении Н. Г. Чернышевским А. А. Слептова. Все это будет опубликовано в 67-м томе «Литературного наследия».

ский. Его намерения можно установить из текста воспоминаний А. А. Слепцова. «Лишь после упоминания в беседе слов «тайное общество» Чернышевский встрепенулся, видимо, теперь только свидание наше, наконец, получило для него некоторый смысл». «Что же, это дело, — твердо сказал Чернышевский». Отсюда явствует, что цель его встречи с А. А. Слепцовым — образование тайного общества. Для чего же оно создавалось? На этот вопрос, применяя выражение Ленина, можно ответить: для «революционного участия в крестьянском бунте»²⁰. Чернышевский напоминал Слепцову: «Ведь вот, говорят, будет крестьянское движение в 63-м году. Будет ли?». Такой вопрос, как видно, не дань сомнениям в возможность крестьянского восстания, а стремление прощупать отношение к нему Слепцова. Чернышевский предполагал организовать тайное общество путем слияния воедино уже существовавших революционных кружков. «Он говорил: «Надо бы сперва приглядеться... какая почва для слияния разных кружков»²¹. Намерение Чернышевского определило его поиски революционных организаторов, одним из которых был и Н. Н. Обручев, человек, близкий к Чернышевскому и Добролюбову и в то же время — к Герцену и Огареву. Очень симптоматично, что именно он, являясь связующим звеном между «Современником» и «Колоколом», организовал явку А. А. Слепцова к Н. Г. Чернышевскому для конспиративного разговора, тема которого, конечно, была предварительно известна участникам свидания, о чем сказал сам Н. Г. Чернышевский при второй встрече с А. А. Слепцовым. «Мне Н. Н. Обручев сообщил, о чем предстоит наш разговор, потому я прямо и приступил к нему, — пояснил он»²².

В начале первой беседы Чернышевский спрашивал Слепцова, о чем тот говорил с Герценом. Слепцов сообщил о своих сомнениях в отношении настроений Герцена из-за его либеральных колебаний.

«Как я потом убедился, — вспоминал Слепцов, — Чернышевскому именно по душе пришлось мое сомнение в Герцене»²³. Но, судя по тому, что сообщает А. А. Слепцов о своих встречах с Герценом в 1860 г., сомнения его в данном конкретном случае не подтверждались поведением Герцена по отношению к нему.

Герцен познакомил Слепцова с Маццини. Это не было случайным актом. Итальянское национально-освободительное движение располагало таким опытом нелегальной работы, которого не имела тогда ни одна страна на всем европейском континенте. Для русского человека, желавшего вступить на путь революционной борьбы, было весьма ценно общение с Маццини, одним из крупнейших деятелей итальянского освободительного движения. Не случайно при беседе А. А. Слепцова с Герценом и Маццини встал вопрос о революционных перспективах ряда стран Европы, включая и Россию²⁴.

Когда в Петербурге происходило формирование центра тайного общества, Н. П. Огаревым в Лондоне была написана прокламация «Что нужно народу?». В своих воспоминаниях А. А. Слепцов трижды отмечает ее значение для «Земли и воли». При организации общества, указывал он, было решено «в основу положить еще раньше коллективно проектированную (а написанную одним Огаревым) статью-прокламацию «Что нужно народу?»²⁵.

Эта прокламация и позже была распространена в среде членов «Земли и воли», смотревших на нее как на «программу своих действий и

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 11.

²¹ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. X, стр. 427.

²² «Литературное наследство». Т. 67.

²³ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. X, стр. 427.

²⁴ См. А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. X. Комментарий М. К. Лемке, стр. 426—427.

²⁵ Там же. Т. XVI, стр. 73.

стремлений»²⁶. «Выражаясь современным языком,— писал А. А. Слепцов,— эта прокламация была нашей платформой»²⁷.

Следовательно, статья-прокламация «Что нужно народу?» была основным документом, формулировавшим политическую программу общества «Земля и воля» на первом этапе ее существования. Впоследствии Герцен писал, что лозунг «земля и воля!» «не мы выдумали, а народ русский подсказал нам, что надобно ставить на хоругви. Наша заслуга только в том, что при шуме барабанов (карательных экспедиций.— Я. Л.), положений, учреждений, освобождений, мертворождений мы уловили его»²⁸. Лозунг «земля и воля!» был точным выражением сути народничества как идеологии крестьянской демократии в России.

Участие лондонского центра в создании тайного общества выясняется также из такого документа (одного из самых важных источников по истории «Земли и воли» в тот период), как письмо Огарева и Герцена, написанное в конце июля — начале августа 1861 г. Н. Н. Обручеву²⁹. Оно говорит о наличии в Петербурге группы лиц, близко стоявших к Чернышевскому и представлявших собой центр формировавшегося тайного общества всероссийского масштаба. В круг их компетенции входило: а) создание сети революционных организаций в различных городах России; б) распространение вольной русской прессы, печатавшейся в Лондоне³⁰. Из письма видно, что Герцен и Огарев весной 1861 г. передали в Петербург этим людям свое мнение о необходимости создания тайного общества и вовлечения в него молодежи³¹. И, наконец, оно свидетельствует о серьезных разногласиях в революционном лагере³².

Как протекал дальнейший ход организации тайного общества летом 1861 года? «В мае же, судя по заметке на полях той же тетради,— пишет М. Слепцова, имея в виду записи своего отчима А. А. Слепцова,— у Чернышевского встретился Слепцов с Николаем Александровичем Серно-Соловьевичем, только что приехавшим из-за границы. Это было не новое знакомство, а просто встреча двух лицейских друзей, не видевшихся некоторое время. Через месяц или два, то есть в начале июля или августа, Чернышевский предложил своим молодым адептам организацию основной пятерки как фундамента «подземного», по наименованию этого времени, общества. Впрочем, не только подземного, так как выработывались пути и совершенно легального воздействия на все общественные слои. Не знаю почему, в выписках Лемке из погибшей тетради Слепцова не указано, что Чернышевский был не только причастен к первичным пятеркам, но был инициатором их и членом первой из них. Ее состав был таков: Чернышевский, Николай Серно-Соловьевич, Александр Слепцов, Николай Обручев и Дмитрий Путята. Николай Обручев, член московского кружка «Великорусс», являлся, таким образом, связующим звеном московской организации с пятеркой Чернышевского»³³.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 76.

²⁸ «Колокол», 1864, лл. 180, 181.

²⁹ Письмо найдено у Н. Г. Чернышевского во время ареста его 7 июля 1862 года. По мнению Я. З. Черняка, адресатом этого письма был не Н. Н. Обручев, а Н. В. Шелгунов (см. «Литературное наследство». Т. 62, стр. 420). На наш взгляд, это предположение хотя и заслуживает внимания, но не может считаться вполне доказанным.

³⁰ М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 187—188.

³¹ Там же, стр. 186.

³² Там же.

³³ М. Слепцова. Штурманы грядущей бури. «Звенья». Т. II. 1933, стр. 404. Хотя эта статья требует критического отношения, она представляет известную ценность, так как в ней использованы записи А. А. Слепцова. Приведенная цитата в известной степени подтверждается некрологом А. А. Серно-Соловьевичу (написанным, по всей вероятности, Н. И. Утиным), в котором говорилось, что Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи «встали в передовые ряды революционных организаторов, время для которых наступило с лета 1861 года» («Народное дело», 1869, №№ 7—10, стр. 11).

Летом же 1861 г. наряду с разработкой организационной структуры было решено использовать легальную журнальную прессу, прежде всего «Современник», для задач завуалированной революционной пропаганды. Наряду с этим намечалась широкая революционно-просветительная деятельность в народных массах путем издания популярных книг, организации читален с очень дешевой платой и особенно устройства воскресных школ.

Вместе с тем сеть пятерок (из которых по конспиративным соображениям состояла «Земля и воля») должна была, по замыслу организаторов тайного общества, охватить всю Россию.

Беспорен факт участия Чернышевского и его ближайшего окружения, с одной стороны, и Огарева и Герцена — с другой, в создании тайного общества. Было ли это результатом предварительной договоренности, или же сказались параллельные стремления, направленные к одной цели? Источники не содержат данных для исчерпывающего ответа на этот вопрос. Во всяком случае несомненно, что Н. Н. Обручев именно в рассматриваемый нами период (весна — лето 1861 г.) на протяжении двух месяцев (май, июнь) занимался подбором деятелей центра формировавшегося в Петербурге тайного общества, а затем в Лондоне участвовал в составлении прокламации «Что нужно народу?» — программного документа тайного общества.

Необходимо отметить своеобразие отношений Чернышевского с Герценом и Огаревым. Революционная практическая деятельность обоих центров, несмотря на разногласия по крупнейшим вопросам принципиального характера, протекала в одном и том же русле — создания тайного общества. Те же лица посещали в Петербурге квартиру Чернышевского, а в Лондоне — дом Герцена, они были в той или иной степени связаны с редакцией «Современника» и с редакцией «Колокола» (Н. В. Шелгунов, Н. Н. Обручев, М. И. Михайлов, Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов).

К середине 1861 г. уже существовали программа тайного общества и его центр, выполнявший функции организационного комитета.

Реальная перспектива крестьянской революции определила необходимость разработки тактики тайного общества. На этом пути перед русским революционным движением возникали огромные трудности и сложные задачи.

Опыт предшествующих поколений не давал исчерпывающего ответа на вопросы: каким должно быть общество, призванное возглавить революцию, по своей организационной структуре и составу; как ему следовало действовать в различных социальных слоях и прежде всего среди народных масс, чтобы поднять их на борьбу; каким должен быть план осуществления революционного ниспровержения царизма?

Русская революционная мысль во второй половине 50-х годов (Чернышевский и Добролюбов) сумела разработать и сформулировать основные принципы революционной тактики. Но их необходимо было развить дальше и перевести на язык непосредственного практического действия. Герцен и Огарев вложили в это дело немало усилий. Революционная тактика рождалась в ходе социально-политической борьбы и формулировалась главным образом на страницах «Колокола».

Во второй половине 1861 г. в «Колоколе» был перепечатан первый листок «Великорусса» и появились статьи «Ответ «Великоруссу» и «Ответ на «Ответ «Великоруссу»³⁴, «Заводите типографии!» и впервые про-

³⁴ О значении этих статей в разработке учения о революционной организации и в развитии революционной тактики см. Я. И. Линков. Роль А. И. Герцена и Н. П. Огарева в создании и деятельности общества «Земля и воля», стр. 118—119; его же. Проблема революционной партии в России в эпоху падения крепостного права, стр. 61—64.

звучал имевший столь большое значение лозунг, выдвинутый Герценом: «В народ! К народу!».

Осень 1861 г. А. А. Слепцов определял как очень важный период в складывании «Земли и воли», «когда после провала «Великорусса» и ареста В. А. Обручева (начало октября 1861 г.) Николай и Александр Серно-Соловьевичи стали разделять мысль Огарева о необходимости готовиться к организации нового общества»³⁵. Н. И. Утин в некрологе А. А. Серно-Соловьевичу так характеризовал это время: «За выпуском студентов из крепости последовало тесное сближение различных кружков; революционное направление обозначилось более ясно и определенно. Круг недовольных, круг готовых мстить правительству за его насилие над народом и над теми, которые видели цель своей жизни в служении народу... быстро умножался и расширялся. Явилась потребность правильного группирования революционных элементов, правильного организации, одним словом, того, что называется тайным обществом»³⁶. Необходимо отметить, что на этом этапе развития «Земли и воли» в среде ее инициаторов имели место разногласия принципиального характера, касающиеся, по-видимому, идейных и организационных основ общества. «Однако,— вспоминал А. А. Слепцов,— некоторое расхождение между двумя братьями (Серно-Соловьевичами.— Я. Л.), а также их обоих с Огаревым показало, что прежде следовало основательно столкнуться и дотолковаться, продумать будущую организацию, чтобы быть уверенным в ее прочности и, по крайней мере, теоретической конструктивности»³⁷.

В первый центр тайного общества входили: Н. и А. Серно-Соловьевичи, А. Слепцов, Н. Обручев, В. Курочкин³⁸; к весне 1862 г. туда вошел С. Рымаренко. Чернышевский, хотя формально не входил в состав центра, тем не менее принимал самое непосредственное участие в его деятельности. По свидетельству А. А. Слепцова, он «интересовался работой нарождавшегося общества (тогда еще не имевшего названия) и при свиданиях с бывшими у него братьями (Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичами.— Я. Л.) и со мной, всегда притом в отсутствие своей жены, то подвергал критике наши очередные проекты, то давал советы»³⁹.

На первый план в деятельности центра «Земли и воли» в это время выдвигалась задача подбора организаторов и создания местных комитетов. С этой целью А. А. Слепцов предпринял поездку по городам Поволжья⁴⁰.

С самого начала тайное общество определилось как организация прежде всего пропагандистская. «Всю силу организации,— вспоминал А. А. Слепцов,— мы видели прежде всего и больше всего именно в пропаганде... Массам нужно было сказать такие слова, которых они до того почти или вовсе не слышали, и притом сказать их так, чтобы, не забывая голову мудреностью, проникнуть в сердце заколоченного Николаем и не отпертого Александром русского нутра»⁴¹.

Устройство сети воскресных школ рассматривалось руководством тайного общества «Земля и воля» как одна из важнейших линий легальной работы⁴². В создании этих школ революционные демократы правильно усмотрели реальный путь для революционной пропаганды среди различных социальных слоев народа: рабочих, крестьян, городских ре-

³⁵ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI. Комментарий М. К. Лемке, стр. 72.

³⁶ «Народное дело» (Женева), 1869, №№ 7—10, стр. 107.

³⁷ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI, стр. 73.

³⁸ Там же, стр. 76.

³⁹ Там же, стр. 75.

⁴⁰ Там же, стр. 83.

⁴¹ Там же, стр. 74.

⁴² См. М. Слепцова. Штурманы грядущей бури, стр. 407.

месленников, солдат⁴³. Интересной особенностью революционной агитации землевольцев в воскресных школах Петербурга явилось активное участие в ней нескольких фабричных рабочих, распространявших заручбежные издания Герцена и Огарева⁴⁴.

Формирование «Земли и воли» протекало как противоречивый и сложный процесс. Организаторам тайного общества необходимо было преодолеть идейно-политические разногласия в рядах революционно-демократического лагеря. Весной 1862 г., по уверению Василия Кельсиева, Николай Серно-Соловьевич усматривал основную беду революционного движения в разброде в среде его участников: «У нас такая разногласица, что нет двух человек, согласных в принципах или цели...». «Бесит то, что при всем желании сделать что-нибудь путное, ничего сделать не можешь потому, что у нас кто в лес, кто по дрова»⁴⁵. Если учесть, что как раз в ту пору шли переговоры с кружком Заичневского в Москве о вхождении его в «Землю и волю», закончившиеся безрезультатно, признания одного из основных деятелей тайного общества становятся особенно понятными.

В «Письмах к Баксту»⁴⁶ нашла отражение идейно-политическая борьба между либерально-оппозиционным и революционно-демократическим течениями, в ходе которой Герцен и Огарев развивали революционно-демократическую идеологию, разрабатывали организационные и тактические принципы и сформулировали идеи, легшие в основу деятельности тайного общества. В первой половине 1862 г. Герцен и Огарев, развивая положения, выдвинутые в «Письмах к Баксту», обосновали основной политический лозунг «Земли и воли» — созыв бессловного Земского собора, — содержащий призыв к всенародному вооруженному восстанию⁴⁷. В июне 1862 г. в письме к Н. А. Серно-Соловьевичу Н. П. Огарев указывал, что «уяснить необходимость Земского собора становится делом обязательным»⁴⁸. Впоследствии в таких программных документах «Земли и воли» 1863 г., как «Свобода» № 1 и «Офицерам всех войск от общества «Земли и Воли», лозунг Земского собора рассматривался как первенствующий и основной.

В июле 1862 г. III отделение нанесло тяжкий удар по «Земле и воле». «Погром 62-го года среди многих жертв поглотил в один день Н. Чернышевского и Н. Соловьевича, учителя и ученика»⁴⁹. Был арестован и такой активный деятель тайного общества, как С. Рымаренко. Но часть членов центра избежала ареста, и он продолжал действовать. Аресты и полицейские репрессии, обрушившиеся на революционные организации, усилили их стремление к объединению. В состав «Земли и воли» влиялись мелкие кружки, действовавшие в провинции.

Судя по воспоминаниям А. А. Слепцова, в это время со стороны комитетов «Земли и воли» в провинции было выдвинуто требование сделать «центром всего общества» редакцию «Колокола». «Но, прежде чем

⁴³ Революционная пропаганда в воскресных школах членов «Земли и воли» и близких к ним лиц достигла значительных масштабов, если учесть, что к июню 1862 г. в России таких школ было 274 (в одном лишь Петербурге — 34). См. М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 399—439; Р. А. Таубин. Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860—1862 гг. «Вопросы истории», 1956, № 8, стр. 80—90; Я. И. Линков. Воскресные школы и русское революционное движение 1860-х гг. «Исторический архив», 1956, № 6, стр. 116—117; Г. И. Ионова. Воскресные школы в годы первой революционной ситуации. «Исторические записки», 1956. Т. 57, стр. 177—210.

⁴⁴ См. М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 435—436; «Рабочее движение в России в XIX в.». Сборник документов и материалов. Т. II. Часть первая. М. 1950, стр. 594—595.

⁴⁵ «Литературное наследство». Т. 41—42, стр. 313.

⁴⁶ См. «Литературное наследство». Т. 63. 1956, стр. 107—124.

⁴⁷ См. Я. И. Линков. Проблема революционной партии в России в эпоху падения крепостного права, стр. 64.

⁴⁸ М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 180.

⁴⁹ «Народное дело», 1868, № 2, 3, стр. 36.

входить в сношения с Герценом, центр решил нащупать и создать почву для слияния всех тайных обществ под знамя «Земли и воли»⁵⁰.

Во второй половине 1862 г. Герцен и Огарев выпустили специально для народных масс газету «Общее вече». Была также издана прокламация «Что надо делать народу?», и в духе идей «Земли и воли» на страницах «Колокола» велась систематическая революционная пропаганда.

Как вспоминает А. А. Слепцов, осенью 1862 г., к началу учебного года, стало заметно, что ряды «Земли и воли» «поредели, но зато в ее составе остались наиболее стойкие и убежденные»⁵¹. К этому времени в одном лишь московском отделении «Земли и воли», по утверждению Ю. Мосолова и Н. Шатилова, насчитывалось до 400 действительных членов⁵².

В ноябре 1862 г. центр общества пополнился новыми членами. Было решено, что в него вместо братьев Серно-Соловьевичей войдут Н. И. Утин и Г. Е. Благодетель. В качестве заместителей были избраны Николай Курочкин и Г. З. Елисеев⁵³. Тогда же центр «Земли и воли» был преобразован в Центральный комитет. Этим завершается первый этап истории тайной организации.

В феврале 1863 г. состоялись переговоры между приехавшим по поручению Центрального комитета «Земли и воли» в Лондон А. А. Слепцовым, Герценом и Огаревым и было заключено соглашение, оформившее отношения между редакцией «Колокола» и центром тайного общества. В первом номере листка «Свобода» (начало 1863 г.) было заявлено о прямой связи общества с Герценом и Огаревым. В феврале 1863 г., вслед за оповещением о создании общества «Земля и воля» в «Колоколе», Герцен и Огарев предпринимают меры для его популяризации в западноевропейской печати. 28 февраля они направили письмо редактору английской газеты «The Morning star». В нем говорилось: «Все тайные общества в России, до сих пор распыленные, в настоящее время соединились под руководством центрального комитета в одно большое общество под названием «Земля и воля», выражающим все желания русского народа: право каждого на землю и выборное и федеральное правительство»⁵⁴.

В результате лондонских переговоров в организационную структуру общества были внесены существенные изменения. Был учрежден Совет общества, о котором впервые сообщалось в прокламации «Офицерам всех войск от общества «Земля и Воля», написанной в феврале 1863 г. Огаревым совместно с А. Слепцовым. «Товарищи, — говорилось в прокламации, — наше общество не погибло. Напротив того, оно упрочилось и увеличилось. Учредился Совет общества». В примечании пояснялось: «В России, а не за границей, хотя мы и за границей имеем друзей, преданных нашему общему народному делу»⁵⁵.

Возникают вопросы: где находился Совет общества, кто входил в его состав, каковы были его функции?

М. Слепцова, основываясь на рассказах и заметках А. А. Слепцова,

⁵⁰ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI. Комментарий М. К. Лемке, стр. 83.

⁵¹ Там же, стр. 84.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, стр. 85.

⁵⁴ «Литературное наследство». Т. 63, стр. 129. Обращение Центрального комитета «Земли и воли», упоминаемое в письме, касалось сбора средств и было по своему содержанию аналогично тем, которые публиковались в «Колоколе» от имени Совета общества.

⁵⁵ «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.». Париж. 1905, стр. 92 (далее сокращенно: «Материалы»).

так характеризовала структуру «Земли и воли»: «Органы руководящие: 1. Центральный комитет в Петербурге. С выделением из себя Совета»⁵⁶.

В действительности, как нам представляется, Совет общества появился лишь в результате переговоров А. А. Слепцова с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в феврале 1863 года. Более чем сомнительно, чтобы в Лондоне решался вопрос о Совете, если бы таковой создавался в Петербурге. Симптоматично, что оба заявления о Совете имели место в прокламациях и извещениях, написанных самим Огаревым или же при его прямом участии и изданных только за границей. Ни в одном издании «Земли и воли» внутри России о Совете не упоминается.

Вопреки заявлению, сделанному, как мы думаем, из конспиративных соображений⁵⁷, Совет находился за границей. При наличии ЦК и еще в Петербурге еще один руководящий орган было бы нецелесообразно, так как «Земле и воле» не хватало людей и для ЦК. Совет общества был необходим именно за границей. Есть все основания считать, что он состоял из членов редакции «Колокола» — А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

Создание Совета «Земли и воли» принципиально изменило содержание «Колокола», «Общего веча» и остальных изданий Вольной русской типографии. С февраля 1863 г. редакторам их, являвшимся отныне членами Совета, конечно, было весьма сложно разделять революционную деятельность в пределах общества и вне его. Вот почему, хотя формально «Колокол» и не являлся органом «Земли и воли», по существу он был таковым.

Что касается функций Совета «Земли и воли», то можно сказать о его несомненном влиянии на важнейшие стороны деятельности общества и прежде всего на проводимую им пропаганду и агитацию. Герцен и Огарев являлись инициаторами и авторами многих важнейших программных прокламаций 1863 г., обращенных к различным социальным слоям русского общества, к народу. Они организовывали и финансировали печатание многих агитационно-пропагандистских изданий, предназначенных для «Земли и воли» или прямо идущих от ее имени, организовывали и финансировали транспортировку этих изданий в Россию и в какой-то мере направляли их последующее распространение. С Герценом и Огаревым согласовывались издания Центрального комитета «Земли и воли» в России и прежде всего его органа — листка «Свобода» (кроме № 1).

В Совете «Земли и воли» сосредоточивалось руководство всей заграничной деятельностью общества. В результате февральских переговоров был создан институт заграничных агентов общества. Их компетенция охарактеризована в опубликованном М. К. Лемке документе со штампом и за печатью «Русского Центрального Народного Комитета «Земля и воля» (датированном 17 апреля 1863 года)⁵⁸. А. И. Герцен назван в нем главным представителем «Земли и воли» за границей.

В начале 1863 г. общество опубликовало два важнейших документа, имевших программный характер. В первом из них — листке «Свобода» № 1 — Центральный комитет заявлял: «Для людей, отдавшихся со всей энергией служению делу народного освобождения, исход один только — в неуклонной борьбе с врагом русского народа — с император-

⁵⁶ М. Слепцова. Указ. соч., стр. 448.

⁵⁷ Формальное признание наличия Совета «Земли и воли» за границей при редакции «Колокола» крайне осложнило бы положение тех руководящих членов общества, которые, будучи арестованными, могли на этом основании обвиняться по наиболее криминальному (с точки зрения царской юстиции) пункту — за связи с лондонскими пропагандистами (одно из главных обвинений, предъявленных Н. Г. Чернышевскому). В условиях 1863 г., в связи с позицией Герцена и Огарева, занятой ими по отношению к польскому восстанию, такое обвинение имело бы еще более тяжкие последствия.

⁵⁸ См. А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI. Комментарии М. К. Лемке, стр. 96—97.

ским правительством... Для этой борьбы и составилось общество «Земля и воля»⁵⁹. Считая, что «революция в России неизбежна», комитет объявлялся «неуклонно и постоянно вести дело к предположенной цели — к разрушению императорского самодержавия и к торжеству народных интересов, которое должно выразиться прежде всего в созвании Н а р о д н о г о С о б р а н и я из выборных представителей свободного народа. Собрание это само определит новый общественный строй нашего свободного отечества». Комитет считал «последним моментом деятельности общества «Земля и воля» ограждение собрания от всяких насильственных влияний и от притязаний имущественных и сословных привилегий»⁶⁰.

Во втором программном документе — в обращении «Офицерам всех войск от общества «Земля и Воля» была изложена тактика революционного переворота. «Вы должны готовиться и готовить солдат — на Востоке и Юге, на Западе и Севере. Дружно со всех окраин двинемтесь внутрь России, подымая народ на созвание бессловного Земского Собора. Только он может осуществить право народа на землю и волю, областное и союзное самоуправление... С нами поднимется весь народ... Вслед за каждым нашим шагом должно учреждаться местное самоуправление»⁶¹.

О том, что люди, выпускавшие «Свободу» № 1, рассматривали ее как программный документ, видно из воспоминаний Л. Ф. Пантелева: «Летом 1862 г. мы стали подумывать о выпуске своего рода периодического издания, как органа «Земли и воли». Утин принялся за редактирование первого номера (по всему судя, речь идет о «Свободе» № 1. — Я. Л.), который должен был явиться своего рода «Profession de foi»⁶².

Были ли еще в обществе «Земля и воля» какой-либо другой обобщающий программный документ?

Ю. Мосолов по «Делу Андрущенко» показал, что в конце лета или в начале осени 1862 г. к нему на службу приходил с конспиративной явкой некий неизвестный агент «Земли и воли», предложивший ему вступить в общество и заявивший, что «программа общества будет прислана». Однако, получив из Петербурга «Свободу» № 1 и некоторые другие прокламации, Мосолов до мая 1863 г. так и не получил обещанного⁶³. Так как приезжавшие из Петербурга представители ЦК «Земли и воли» не давали Мосолову удовлетворительного ответа о целях и задачах организации, «то ни сам Мосолов, ни знакомые его не одобряли способы деятельности общества, начинали разочаровываться в нем и подумывали отстать от него»⁶⁴. Мосолов предложил составить общество на новых началах и разработать его программу. 4 июня 1863 г., после возвращения И. Андрущенко из Петербурга (откуда он не привез программы), на квартире его происходила сходка, проведенная руководством «Библиотеки казанских студентов» (то есть московским отделением «Земли и воли»), на которой Мосолов прочел рукопись составленной им программы. «Вот, по его мнению, чего следует держаться, или, иначе, какова должна быть будущность России: управление областное с главным сеймом в С. Петербурге или Москве; земля вся должна быть государственная и отдаваться на срок в пользование, уничтожение частной собственности, женщина должна пользоваться одинаковыми правами с мужчиной. И еще некоторые другие положения»⁶⁵.

Рукопись эту Мосолов передал на сходке Сулину для того, чтобы все собравшиеся могли снять с нее копии, что и было сделано. Получил текст этой программы и Андрущенко. Будучи арестован в июле 1863 г.

⁵⁹ «Материалы», стр. 90.

⁶⁰ Там же, стр. 92.

⁶¹ Там же, стр. 93.

⁶² Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 279.

⁶³ «Материалы», стр. 127—128.

⁶⁴ Там же, стр. 129.

⁶⁵ Там же, стр. 114.

в Чернигове, он проглотил его, вырвав из рук пристава, нашедшего программу при обыске.

Академик М. В. Нечкина выдвигает как «наиболее правдоподобное предположение, что программа, прочитанная на Московском совещании (по терминологии следственного дела «сходка 4 июня». — Я. Л.), и была общей программой «Земли и воли»⁶⁶. Это предположение нам представляется спорным.

Никто из присутствовавших на сходке 4 июня, будучи арестован, во время следствия не назвал зачитанную на ней рукопись Мосолова программой общества, не сделал этого и Андрущенко. Если даже предположить, что все участники сходки предварительно стоворились не называть зачитанную Мосоловым рукопись программой «Земли и воли», то Андрущенко, ставшему предателем и выдавшему своих товарищей и знакомых, не было никаких оснований сообщать ложные сведения по пункту, к тому же весьма интересующему органы, от которых зависела его судьба. Если бы Ю. Мосолов читал и распространял среди членов «Земли и воли» не свой проект программы, а именно программу общества, тем ценнее для этих органов были бы показания И. Андрущенко в этом направлении. В воспоминаниях А. А. Слепцова нет ни слова о каком-либо программном документе, помимо прокламации «Что нужно народу?». Слепцов мог почти через полвека (когда он составлял свои воспоминания) забыть что угодно, но такой факт, как программа общества, вряд ли был бы забыт им, членом ЦК, сыгравшим в деятельности «Земли и воли» весьма серьезную роль. К тому же М. К. Лемке не мог, конечно, не спросить его о столь существенном факте. О программном документе «Земли и воли» (помимо известных прокламаций и обращений) молчат все без исключения источники.

Сомнительно также, чтобы ЦК, поддерживая постоянную связь с Советом «Земли и воли» и членами ЦК, находившимися за границей (А. А. Слепцов и Н. И. Утин), не послал им столь важный документ, как программу общества или проект ее. А если бы таковой попал за рубеж, не было бы никаких разумных оснований не напечатать его в «Колоколе», где были уже опубликованы другие документы «Земли и воли», содержавшие криминальный (с точки зрения царизма) лозунг прямого призыва к вооруженному восстанию против самодержавия. Именно в июле 1863 г. был напечатан листок «Свобода» № 2 (корректур которого посылались для согласования Герцену и Огареву). Какие же были основания не помещать там программу, если бы она была составлена, и так законспирировать тем самым документ, несомненно предзнававшийся для массового ознакомления, по крайней мере, сотен членов общества. Скрывать свою политическую программу было совсем не в духе революционеров той эпохи.

Большую и самоотверженную борьбу на протяжении первой половины 1863 г. провел Совет «Земли и воли» в лице Герцена и Огарева за реализацию задачи революционного переворота. Ими была выпущена в феврале этого года серия прокламаций, обращенных к крестьянам, солдатам и офицерам и содержавших прямой призыв к участию в военнокрестьянском восстании⁶⁷.

Особенно четко этот новый этап отразился в статье Огарева «Слово правды», которая призывала не к стихийным, разрозненным восстаниям, а к общему, организованному выступлению: «Примыкайте, чтоб составить один строй и в путях не разбиваться, вразбивку не восставать, а идти к цели в едином союзе, потому что только строй да союз и дают силу»⁶⁸. Своеобразное отражение лозунг вооруженного восстания нашел

⁶⁶ См. М. В. Нечкина. «Земля и воля» 1860-х годов, стр. 124.

⁶⁷ См. Я. И. Линков. Роль А. И. Герцена и Н. П. Огарева в создании и деятельности общества «Земля и воля», стр. 124.

⁶⁸ «Общее вече», № 13, 15 марта 1863 года.

в отпечатанном весной 1863 г. сборнике «Свободные русские песни». Среди помещенных там произведений есть «Ослушная песня» (написана, по всей вероятности, Огаревым). Она интересна тем, что в ней в поэтической форме изложена в основных чертах землевольческая программа⁶⁹. Следует заметить, что это был не первый опыт подобного рода изданий. В 1862 г. Вольная русская типография выпустила «Солдатские песни», часть которых вошла в сборник «Свободные русские песни». Несомненно, что такая форма революционной агитации в народных массах была весьма удобна и доходчива. В результате энергичных мер, предпринятых Советом «Земли и воли», прокламации распространялись среди солдат и крестьян. В частности, как это явствует из отчета III отделения за 1863 г., они были обнаружены в селениях Архангельской губернии⁷⁰.

Во второй половине 1862 г. в центре внимания русской революционной демократии находился польский вопрос. Вслед за Герценом и Чернышевским «Земля и воля» рассматривала освобождение Польши как один из важнейших боевых лозунгов. В сентябре 1862 г. в Лондоне происходили переговоры представителей Центрального национального польского комитета С. Падлевского и А. Гиллера с Герценом и Огаревым. Поляки видели в последних не только редакторов «Колокола», но и людей, представлявших русскую революционную партию. Разъясняя, в какой мере это убеждение соответствовало действительному положению вещей в русском революционном движении, Герцен указывал, что «в России клались первые ячейки организации, — в этом не было сомнения: первые волокна нити были заметны простому глазу; из этих нитей, узлов могла образоваться при тишине и времени обширная ткань, — все это так, но ее не было..., и каждый сильный удар грозил сгубить работу на целое поколение и разорвать начальные кружева паутины»⁷¹. Эти слова очень многозначительны: в них содержится признание чрезвычайной важности процесса складывания «Земли и воли» и твердая уверенность в возможности ее превращения в дальнейшем в обширную и сильную организацию наряду с опасением, что преждевременное выступление сведет на нет уже сделанное.

Взвешивая реальные возможности участия «Земли и воли» в польском восстании, Герцен говорил Падлевскому и Гиллеру: «Вы думали, что мы сильнее... Сила у нас есть большая и деятельная, но сила эта вся утверждается на общественном мнении, то есть она может сейчас улетучиться; мы сильны сочувствием к нам, унисоном со своими. Организация, которой бы мы сказали: «Иди направо или налево», — нет»⁷².

Из этих слов видно, что Герцен не противопоставлял себя и Огарева «Земле и воле», рассматривая ее и себя с Огаревым как нечто единое и неразрывно связанное. При этом Герцен очень метко охарактеризовал «Землю и волю», делавшую первые шаги в политической борьбе и сильную не столько своим организационным единством и численностью, сколько своим идейным влиянием.

ЦК «Земли и воли» относился к польскому национально-освободительному движению так же, как Герцен и Огарев. Члены ЦК, подобно Герцену, не создавали себе никаких иллюзий и откровенно сказали приехавшему в Петербург Падлевскому о возможностях возглавляемого ими тайного общества. «Комитет тщательно предупреждал комитет польский о том, что еще не скоро можно надеяться на восстание в России, что поэтому польская революция одна и сама по себе рискует погибнуть, если вспыхнет преждевременно»⁷³.

⁶⁹ «Литературное наследство». Т. 41—42, стр. 99—100.

⁷⁰ См. Центрархив «Крестьянское движение 1827—1869 гг.». Вып. 2-й. М.-Л. 1931, стр. 51.

⁷¹ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XIV, стр. 438—439.

⁷² Там же, стр. 439.

⁷³ «Народное дело», 1868, № 2, 3, стр. 36.

Тем не менее ЦК «Земли и воли» считал своим революционным долгом сделать все зависящее от него для оказания помощи в случае, если восстание в Польше разразится. В результате переговоров было достигнуто соглашение, нашедшее отражение в документе, известном под названием «Нота Центрального национального комитета к Комитету свободной России»⁷⁴.

Перед «Землей и волей» встал вопрос, как практически связать польское восстание с русским крестьянским движением. Еще до начала восстания 1863 г. в Польше, осенью 1862 г., были намечены пути, по которым оно должно было распространиться на пределы самой России. Предполагалось, что «та часть русского войска, которую удастся увлечь на сторону общенародной свободы и правды, присоединится сначала к польскому восстанию», но после первой победы она воспользуется «удобным случаем для того, чтобы выйти из польских пределов и чтобы под знаменем «Земли и Воли» идти поднимать на русской земле мужицкий бунт за «землю и волю»⁷⁵. По утверждению А. Гиллера, еще во время переговоров в Лондоне осенью 1862 г., «русские революционеры обязались образовать легион, который под знаменем «Земли и Воли» понесет революцию из Польши в Россию»⁷⁶. Когда восстание в Польше разразилось члены действовавшей там военной организации «Земли и воли» во главе с А. Потемной приняли в нем участие с оружием в руках.

К марту — апрелю 1863 г. Герцен и Огарев как члены Совета «Земли и воли» решающее значение придавали Литве, где к этому времени широко развернулось крестьянское движение⁷⁷. Именно в ней они видели то звено, которое могло связать в единую цепь польское восстание с русским. «В Литве,— писал Огарев в марте 1863 г.,— народ примкнет к революции, если она даст ему землю; а она на это решилась». В Литве, по его убеждению, должно было произойти соединение «племен католических с не католическими — во имя общего восстания, во имя свободы церковей, во имя падения аристократии, чиновничества и царизма, во имя земли и воли!»⁷⁸ (разрядка моя.— Я. Л.).

По призыву «Земли и воли», Герцена и Огарева активное участие в литовском восстании приняли и русские офицеры, солдаты и студенты, среди которых, по-видимому, были и члены тайного общества⁷⁹.

Одной из слабых сторон крестьянского восстания в Литве являлась острая нехватка оружия. Даже в повстанческом отряде С. Сераковского лишь один из девяти батальонов был вооружен ружьями. В этой связи большое значение придавалось морской экспедиции полковника Лапинского на пароходе «Ward Jackson». Предполагалось, что Сераковский прорвется к небольшому литовскому порту Паланге, захватит его и примет там транспорт оружия и группу добровольцев. Герцен и Огарев при-

⁷⁴ См. Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М. 1953, стр. 209—210.

⁷⁵ Ю. М. Стеклов. Бакунин. Т. II. 1926, стр. 170.

⁷⁶ Цит. по И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х гг. XIX в. М. 1954, стр. 129.

⁷⁷ См. В. И. Неупокоев. Крестьянские волнения в Виленской и Ковенской губерниях накануне 1861 года. Кандидатская диссертация. 1950; Ю. И. Жюгжда. Развитие демократического движения в Литве в 60-х годах XIX в. «Исторические записки». Т. 45, стр. 183—207.

⁷⁸ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. II. Госполитиздат. 1952, стр. 478. Следует напомнить, что К. Маркс и Ф. Энгельс, пристально наблюдавшие за развертыванием польского восстания, также высоко расценивали значение Литвы в связи с перспективами развития крестьянского движения в самой России (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 142).

⁷⁹ Накануне и в период восстания в Литве широкое распространение получили издания Герцена и Огарева. См. «Виленский временник» (архивные материалы Муравьевского музея), книга II. Ч. 1. Вильно. 1913, стр. 18, 33, 50—51, 90—91, 100.

няли в организации этой экспедиции активное участие⁸⁰. В случае ее успеха намечалось сформировать в Литве русскую дружину, которая путем продвижения на восток должна была способствовать началу революционного восстания в пределах России⁸¹.

Даже после неудачи экспедиции Лапинского Герцен не отказался от надежд на Литву. Судя по некоторым данным, он и Огарев намеревались организовать новую экспедицию⁸². Кроме того, весной 1863 г. Герцен направлял в Литву русских революционеров, знакомых с военным делом⁸³.

Одним из важнейших практических мероприятий Совета «Земли и воли» весной 1863 г. была поездка Бакунина и А. А. Герцена (сына А. И. Герцена), являвшегося заграничным агентом «Земли и воли» (конспиративная кличка «Юниор»), в Стокгольм. В их задачу входила организация бесперебойного потока агитационно-пропагандистских материалов в Россию в период дальнейшего развертывания революционной борьбы весной и летом 1863 года. Другой их задачей, также непосредственно связанной с подготовкой военно-крестьянского восстания, являлось установление связей с финским национально-освободительным движением для взаимной поддержки в борьбе с царизмом⁸⁴.

Мероприятия, проводимые через Стокгольм А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, осуществлялись в контакте с Центральным комитетом и по согласованию с ним⁸⁵.

Следовательно, «Земля и воля» и ее руководящие органы (прежде всего Совет общества) весной 1863 г. не только настойчиво и широко пропагандировали идею вооруженного восстания, но и осуществляли посильные практические мероприятия, направленные на его организацию.

Деятельность общества в первой половине 1863 г. протекала в очень сложной обстановке, когда разгул шовинизма сочетался с систематическим полицейско-жандармским террором против всех революционных элементов. Несмотря на это, «Земля и воля» продолжала дело объединения революционных сил⁸⁶. К этому времени она имела свои организации по крайней мере в следующих городах: в Петербурге, Москве, Твери, Вологде, Нижнем Новгороде, Казани, Саратове, Астрахани, Вятке, Перми, Туле, Полтаве.

Центральный комитет общества имел в своем распоряжении агентов: столичных, провинциальных, заграничных «для того, чтобы соединить с обществом отдельные кружки, кроме тех, которые уже удалось соединить»⁸⁷. Печатными органами ЦК являлись листок «Свобода» и журнал «Земля и воля», первый номер которого был напечатан, но не распространен⁸⁸.

В целях самообороны от провокаторов и шпионов при Центральном комитете по совету С. Сераковского и И. Огрызко был создан отряд из студенческой и офицерской молодежи, чтобы «следить за всеми, кто, в

⁸⁰ В период подготовки экспедиции в Лондоне было проведено пять специальных продолжительных совещаний. Герцен отмечал в одном из писем, что видел Лапинского «раз пять часов по пяти» (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI, стр. 230). В письме к дочери он сообщал: «В субботу (21 марта.— Я. Л.) отплыл пароход с целым легионом поляков. Все это в полном вооружении, с пушками, штуцерами и револьверами. Мы провожали их». (Там же, стр. 147).

⁸¹ Н. П. Огарев. Т. II, стр. 117.

⁸² См. А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI, стр. 209.

⁸³ См. там же.

⁸⁴ Там же, стр. 243.

⁸⁵ См. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 131; А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI, стр. 103; «Литературное наследство». Т. 63, стр. 153.

⁸⁶ См. «Народное дело», 1868, № 2, 3, стр. 29.

⁸⁷ См. «Свобода» № 1; «Материалы», стр. 91, 119.

⁸⁸ Там же, стр. 119—120.

свою очередь, следит за деятельностью и жизнью видных членов «Земли и воли»⁸⁹.

Организационная структура областных отделений «Земли и воли» остается неясной. Как видно, в ряде городов существовали областные комитеты общества, но, очевидно, в некоторых местах, даже и в губернских городах, комитеты отсутствовали и кружки были непосредственно связаны с Центральным комитетом.

Для «Земли и воли», как подпольной организации, очень важную роль должен был играть принцип конспиративного ее устройства. Его основой была принятая система организации по пятеркам. В дальнейшем она была дополнена системой двоек⁹⁰.

И на данном этапе деятельность общества определялась прежде всего проведением революционной агитации и пропаганды. Н. А. Утин впоследствии писал, что задача заключалась «в умении отыскать доступ к народу для нашей пропаганды — для того, чтобы проникнуться взаимным общим пониманием и объединить с ним наши революционные воззрения для совокупного требования осуществления их»⁹¹.

Направляя революционную пропаганду, Центральный комитет стремился к тому, чтобы она носила целеустремленный характер и учитывала сложившуюся тогда внутреннюю обстановку. Исходя из ее особенностей и основного политического лозунга общества, «Центральный комитет предложил провинциальным комитетам вовсе изъять из пропаганды польский вопрос, сосредоточив ее на внедрении в массы понятия об элементарных требованиях политической свободы в связи с решением социального вопроса о земле»⁹². Именно организации революционной пропаганды, ее содержанию был посвящен проведенный Центральным комитетом в Нижнем Новгороде, в трактире Кушнерева, в ярмарочный период летом 1863 г. съезд представителей поволжских комитетов.

Проводимая «Землей и волей» пропаганда по масштабам того времени имела довольно широкий размах. Наряду с изданиями общества, такими, как «Свобода» № 1, «Льется польская кровь, льет русская кровь», а также номерами «Великорусса», прокламациями «К молодому поколению» и «Долго давили вас, братцы», распространялись сотни экземпляров: статьи-прокламации «Что нужно народу?», номеров «Колокола», «Под суд» и другие⁹³.

Серьезным препятствием в дальнейшем расширении пропаганды являлась слабость издательской базы «Земли и воли» внутри России, особенно после провала в феврале 1863 г. типографии в имении Мариенгаус (поселок Семенов). П. Пушторский, который, судя по всему, входил в состав Центрального комитета и во всяком случае играл активную роль в его деятельности, говорил И. Андрущенко, что они (то есть ЦК «Земли и воли») «имеют 4 печатных станка, но печатать не умеют, в силу чего «Свободу» № 1 печатали два месяца и потратили на это много денег». Это подтверждается показаниями Д. Степанова, работавшего в Мариенгаусской типографии. Когда он напечатанные там 300 экземпляров первого номера журнала «Земля и воля» привез в Петербург Н. Утину, то последний вынужден был уничтожить их, настолько плохо они были отпечатаны⁹⁴.

К лету 1863 г. «Земля и воля» не превратилась в единую организацию и в силу федералистского принципа построения и по причине серьезных идейных разногласий в ее рядах.

⁸⁹ См. А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI, стр. 97.

⁹⁰ На это впервые указала М. В. Нечкина в статье «Земля и воля» 1860-х гг.», стр. 118.

⁹¹ «Народное дело», 1868, № 2, 3, стр. 34.

⁹² А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI. Комментарий М. К. Лемке, стр. 99.

⁹³ См. «Материалы», стр. 110; «Колокол». «Дело И. Андрущенко», л. 211.

⁹⁴ «Материалы», стр. 120, 122.

Это можно проследить на примере крупнейшего московского отделения общества. На сходке 4 июня в числе вопросов, поставленных Я. Сулиным, «которые тут же разрешались», были следующие: «...составляет ли библиотека («Библиотека казанских студентов». — Я. Л.) одно целое с Петербургским комитетом? будет ли она выпускать свои воззвания? будет ли иметь свою печать, программу?»⁹⁵.

Ответы были таковы:

«Библиотека не составляет одного целого с Петербургским комитетом, а должна существовать отдельно, не прерывая сношения с Комитетом, своих воззваний выпускать не будет, а будет рассылать их, если получит из Комитета, также не будет иметь своей печати, то есть штампея»⁹⁶. Отсюда ясно, что «Библиотека казанских студентов» несомненно являлась московским отделением общества, сохраняя при этом известную автономность. Возможно, что такой статут был фактически принят и в отношении некоторых других, а может быть, и всех провинциальных организаций. К этому следует добавить, что связь между отделениями «Земли и воли» осуществлялась и помимо Центрального комитета. Так, московское отделение общества было связано с Нижегородским отделением⁹⁷.

В московском отделении проявились идейные несогласия с линией Центрального комитета. Были расхождения у ЦК и с Петербургским комитетом из-за его «уклонения от общих начал», что отмечал М. К. Лемке, очевидно, на основе рассказа А. А. Слепцова⁹⁸. Следовательно, в этот период Центральный комитет не достиг полного единства с двумя крупнейшими и важнейшими организациями общества: Московской и Петербургской. Это — прямое свидетельство организационной слабости общества даже на высшем этапе его развития.

«Земля и воля» не представляла собой крепкую организацию революционеров, несмотря на сравнительно большой размах ее агитационно-пропагандистской деятельности, военные связи и некоторые другие положительные черты. Вот почему Огарев в апреле 1863 г. счел возможным писать, что общество «Земля и воля» «состоит на правах зародыша, способного к необычайно быстрому росту»⁹⁹. С этим высказыванием вполне совпадает и характеристика Л. Ф. Пантелеева: «Будучи в центре, мы, конечно, отлично знали, что «Земля и воля» находится в самой первичной стадии развития»¹⁰⁰.

К лету 1863 г. центральное руководство «Земли и воли», как и все общество, переживало весьма острый кризис, связанный прежде всего с крахом надежд на всеобщее военно-крестьянское восстание.

В первых числах мая, опасаясь ареста, бежал за границу Н. И. Утин, игравший видную роль в деятельности Центрального комитета. Другой его член, А. Слепцов, также жил в это время за рубежом. Центральный комитет, находившийся в апреле — мае 1863 г. в очень сложном положении, провел реорганизацию общества, «которая была подсказана не только уклонением от общих начал петербургского комитета, но и казанским разговором и связанными с ним провалами»¹⁰¹.

К середине 1863 г. революционная ситуация в России, можно считать, окончательно себя исчерпала. Неравная борьба в Польше уже перестала служить основой для появления революционных перспектив внутри России, где царил разгул реакции.

⁹⁵ Там же, стр. 113.

⁹⁶ Там же, стр. 114.

⁹⁷ Там же, стр. 159—160.

⁹⁸ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI, стр. 98.

⁹⁹ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. II, стр. 116.

¹⁰⁰ Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 284.

¹⁰¹ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI. Комментарий М. К. Лемке, стр. 98.

Анализируя сложившуюся обстановку, Герцен писал в «Колоколе» в июле 1863 г., что «один период нашей заграничной деятельности явным образом пришел к своему рубежу»¹⁰². Несколько позже он отмечал: «События дошли до какого-то поворота, тени явным образом прокладываются в другую сторону»¹⁰³.

В середине 1863 г. в ряде статей Герцен и Огарев подвели итоги завершившегося периода и определили перспективы русского революционного движения. Огарев писал 8 мая 1863 г. Бакунину: «Наше дело — твердо выдержать знамя до лучшего времени... Во всяком случае драться с воздухом нелепо и начинать *coup de main*, чтобы показать бессилие рук, глупо и преступно. Не отступая ни шагу, выдержать брожение национализмов и извлечь элементы из самого этого брожения (потому что брожение всегда дает элементы на все), извлечь элементы для организации сил — вот дело огромного терпения, труда и твердости и единственный путь к цели»¹⁰⁴.

Трудное положение Совета «Земли и воли» к осени 1863 г. сказалось прежде всего на состоянии вольной печати. «Наши дела с «Колоколом» и Типографией идут плохо, — писал Герцен в августе 1863 года. — Русское правительство отрезало от нас $\frac{3}{4}$ пути»¹⁰⁵. Вместе с тем крайне осложнились связи с Центральным комитетом, который из-за усилившегося полицейского террора настолько законспирировался, что с ним было трудно связываться не только из-за рубежа, но и внутри самой России.

Отрицательно сказалось на положении общества и ликвидаторское поведение Петербургского комитета, самовольно, без санкции ЦК свернувшего свою деятельность. «Если бы закрылся только сам комитет, — вспоминал А. Слепцов, — от этого ничего плохого ожидать было нельзя, потому что Центральный комитет взял бы на себя его местные функции; но когда Петербургский комитет с поспешностью отправил своих членов в провинцию, мы узнали об этом *post factum* и должны были спешить отправкой гонцов по следам непрощенных «ликвидаторов», то престиж общества был подорван. Создалась путаница, и мы только тогда ясно поняли то, что должны были принять во внимание, конечно, раньше, но в работе все об этом как-то забыли»¹⁰⁶.

В августе — сентябре 1863 г. Герцен и Огарев начали длительную борьбу за сохранение «Земли и воли» как революционной партии, за предотвращение ее распада. Эта борьба обусловила содержание конспиративных документов и переписки, направление и содержание статей «Колокола» и «Общего веча»¹⁰⁷. Ухудшение связи между заграничной и внутри-русской частями «Земли и воли» поставило редакцию «Колокола» в тяжелое положение, затруднив ее повседневное воздействие на русское революционное движение. В это время Герцен и Огарев в соответствии с избранной ими линией поведения сосредоточили все свои силы и возможности на решении трех основных задач: 1) разработка и пропаганда программы борьбы «Земли и воли» в условиях торжества реакции и отсутствия непосредственной революционной перспективы; 2) объединение всех революционных сил за рубежом, их использование для восстановления

¹⁰² Там же, стр. 426.

¹⁰³ Там же, стр. 477.

¹⁰⁴ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. II, стр. 480.

¹⁰⁵ «Звенья». Т. II. 1933, стр. 376.

¹⁰⁶ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI. Комментарий М. К. Лемке, стр. 100.

¹⁰⁷ См. Я. И. Линков. Роль А. И. Герцена и Н. П. Огарева в создании и деятельности общества «Земля и воля», стр. 130.

связи с родиной и для активного воздействия на развитие там освободительной борьбы; 3) усиление влияния редакции «Колокола» (Совета «Земли и воли») на русское революционное движение. Теоретическое обоснование этого плана нашло свое отражение, в частности, в двух больших статьях Огарева, опубликованных в ряде номеров «Колокола» на протяжении второй половины 1863 г., — «Конституция и Земский собор» и «Революция и реорганизация». Идея бессловного Земского собора осталась и для данного этапа главным пунктом политической программы общества «Земля и воля», его ведущим лозунгом. Дальнейшему обоснованию и раскрытию этого лозунга с позиции теории общинного социализма и посвятил Огарев свои статьи. Во второй половине 1863 г. Огарев и Герцен разработали конспиративный документ, явившийся новой программой действий «Земли и воли» в условиях наступления реакции¹⁰⁸.

Если говорить о более точных сроках составления этого документа, то теперь, после опубликования писем Н. И. Утина, относящихся к концу 1863 и началу 1864 г.¹⁰⁹, ясно, что он был закончен к этому времени. Обстановка его написания такова. Во время поездки Герцена на континент Огарев и Утин, находясь в Англии, так же как и И. Кельсиев в далекой от них Тульче, с нетерпением ожидали вестей от ЦК «Земли и воли». Продолжительное молчание невольно наводило на мысль о распаде его. Наконец, 10 декабря Н. И. Утин через Н. П. Огарева получил долгожданное письмо. В тот же день он сообщил Огареву: «Пишите программу и кликните меня — я явлюсь; чем скорее, тем лучше». «Я и доволен и рад за друзей — они имели силу переломить себя и, отбросив все прежнее, принялись снова за работу, за медленную, долгую, но верную и без лишних жертв... Будемте же помогать им, сколько можно...»¹¹⁰.

Таким образом, Герцен и Огарев разрабатывали новую программу действий «Земли и воли» в тесном контакте с ее активными деятелями, находившимися за рубежом, и с ведома Центрального комитета.

В конце 1863 г. А. И. Герцен писал А. Серно-Соловьевичу: «Аккуратно ли вы получаете «Колокол». Обращаю Ваше внимание, на 15 декабря уже вышел — будущий 1 января и № 15 января. Мы там взяли иную боевую позицию»¹¹¹. Герцен имел при этом в виду свои статьи «В вечность грядущему 1863 году», «1864», «Письмо к Гарибальди», статью Огарева «Революция и реорганизация», а также окончание его статьи «Конституция и Земский собор»¹¹². В статье «1864» Герцен заявлял от лица редакции «Колокола», что в России продолжается подпольная революционная деятельность («наше общее дело продолжается под землей»), что там есть люди, чей голос доходит до Герцена и Огарева. «Наши слова ободряют их так, как их слова ободряют нас». Выступления Герцена отличались боевым тоном и были преисполнены твердой уверенности в победе революционного дела, в социальное преобразование России («Мы не только не утратили прежнюю веру, а удесятирили ее»)¹¹³.

Статьи в «Колоколе» являются прямым отражением нового программного документа, который разрабатывался Огаревым во второй половине 1863 года. Огарев сообщал Утину об одной из статей, что она представляет собою часть новой программы¹¹⁴. Так же, как и программный доку-

¹⁰⁸ Документ этот с ошибочной датировкой опубликован М. К. Лемке в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена (том XVI, стр. 92—95). Он проанализирован в статье Я. И. Линкова «Роль А. И. Герцена и Н. П. Огарева в создании и деятельности общества «Земля и воля» («Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 126—129).

¹⁰⁹ «Литературное наследство». Т. 62, стр. 625—640.

¹¹⁰ Там же, стр. 635.

¹¹¹ Из публикаций в 67-м томе «Литературного наследства».

¹¹² См. «Колокол» 15 декабря 1863 г., 1 и 15 января 1864 года. Статьи Герцена «1864» и «Письмо к Гарибальди» были написаны им еще в ноябре 1863 г. во Флоренции во время поездки на континент.

¹¹³ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVII, стр. 4.

¹¹⁴ См. «Литературное наследство». Т. 62, стр. 638.

мент, статьи согласовывались с членом ЦК Н. И. Утиным¹¹⁵. В мрачные дни реакции и полицейских преследований они должны были поддерживать в немногочисленных революционных рядах дух мужества, «отвагу самонадеянности и дерзость верить в себя среди несчастий». Редакторы «Колокола» обращались к русским революционерам — землевольцам с боевым призывом: «Мы... протягиваем вам, друзья, нашу руку на общий труд и зовем нашим звоном к делу и борьбе»¹¹⁶.

Дошла ли «новая программа действий», разработанная Н. П. Огаревым, до ЦК «Земли и воли»? Поскольку, судя по всему, письменная связь Герцена и Огарева с ЦК в течение зимы 1863—1864 г., хотя и не очень регулярная, все же существовала, можно предполагать, что программа попала в Петербург. Как она была там воспринята?

По воспоминаниям землевольца Г. П. Гофштетера, в первой половине марта 1864 г. Центральный комитет разослал сообщение «о временном свертывании общественного знамени и полном приостановлении всякой работы от лица целого общества или его округов»¹¹⁷. Хотя речь шла лишь о временном прекращении работы, фактически это было решение о самоликвидации тайного общества как единого организованного целого.

В письме Н. А. Серно-Соловьевича А. И. Герцену и Н. П. Огареву, посланном, по-видимому, весной 1864 г. из Алексеевского рavelина Петропавловской крепости говорилось: «Я люблю вас, как любил; люблю все, что любил; ненавижу все, что ненавидел». Далее в завуалированной форме (в силу конспиративного характера письма) Н. Серно-Соловьевич отмечал, несомненно, имея в виду общество «Земля и воля»: «Почва болотистее, чем думалось. Она сдержала первый слой фундамента, а на втором — все ушло в трясину». В этих словах признание, что тайное общество не успело сложиться во вполне сформированную организацию, и вместе с тем того, что его уже нет. Оценивая этот факт, Н. А. Серно-Соловьевич ставил вопрос о дальнейших перспективах: «Что же делать? Слабому придти в уныние, сильному сказать: счастье, что трясина выказала себя на фундаменте, а не на последнем этаже — и принятая вбивать сваи»¹¹⁸. Следовательно, он был убежден в необходимости создания крепкой революционной организации, продолжении революционной борьбы. В образной форме он выражал уверенность в ее конечном успехе: «Дитя будет, но должно созреть», — решительно высказываясь против преждевременного, неподготовленного выступления: «Это досадно, но все же лучше иметь ребенка, чем ряд выкидышей». Перспективы дальнейшего развития русского революционного движения Н. А. Серно-Соловьевич связывал с деятельностью Герцена и Огарева: «Вас обнимаю так крепко, как только умею, и, — писал он в заключение, — возлагаю на вас крепкие надежды: больше на время, потом на вас»¹¹⁹.

Таким образом, усилия Герцена и Огарева предотвратить распад общества не достигли цели. «Земля и воля» прекратила свое существование.

Впоследствии Н. Утин писал: «В конце же 63 года тайные общества в России должны были прекратить свои внешние действия, чтобы не давать более повода губить напрасно людей. Должна была создаться другая система действий, поэтому и общество «Земля и воля» перестало существовать гласно, была признана полезность прекратить прокламационную агитацию, которая выполнила уже свою задачу, т. е., с одной стороны, доказала и обществу и правительству возможность борьбы с правительством гласным путем прессы, несмотря на все цензуры; с другой стороны, указала свободолюбивым людям на необходимость дружного соединения

¹¹⁵ См. там же, стр. 634.

¹¹⁶ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVII, стр. 6.

¹¹⁷ Там же, стр. 93.

¹¹⁸ «Литературное наследство». Т. 62, стр. 560.

¹¹⁹ Там же, стр. 561.

для прямой борьбы. Вместе с тем прекратилась потребность в организации распространителей, которая и была распущена»¹²⁰.

После мартовского постановления ЦК «Земли и воли» о свертывании работы в Петербурге до середины 1864 г. сохранился революционный центр, несомненно, состоявший из деятелей этого общества, в том числе, очевидно, и из некоторых членов ЦК. Люди, входившие в этот центр, в течение некоторого времени представляли русское революционное движение и продолжали поддерживать связь с А. И. Герценом, Н. П. Огаревым и Н. И. Утиным.

Летом 1864 г. Н. И. Утин, предварительно связавшись с Н. П. Огаревым и А. И. Герценом, пытался через А. А. Слепцова возобновить деятельность центра «Земли и воли» в Петербурге, но эта попытка не имела успеха¹²¹.

В декабре 1864 — январе 1865 г. в Женеве состоялся съезд русской революционной эмиграции с участием А. И. Герцена. Девять десятых съезда составляли бывшие активные деятели общества. Эта наиболее решительная попытка объединить русскую революционную общественность за границей также потерпела неудачу¹²².

Почему же «Земля и воля» не превратилась в крепкую организацию революционеров? Какие причины привели к ее самоликвидации?

Из причин общего порядка нельзя не указать на то неблагоприятное обстоятельство, что «Земля и воля» действовала в «эпоху полной неразвитости угнетенных масс»¹²³, когда революционные элементы в этой массе еще не созрели, в силу чего возникали большие трудности в развертывании революционной агитации и пропаганды в народе и крайне ограничивался ее эффект. С этим было связано и другое обстоятельство, оставшееся в силе даже для начала XX столетия. «У нас в России, — писал Ленин, — политическое воспитание народа и интеллигенции совсем еще ничтожно. У нас ясные политические убеждения и твердые партийные воззрения совсем еще почти не выработаны»¹²⁴. По этой причине вербовка членов в ряды «Земли и воли» и их сплочение на основе общей программы и единых тактических принципов были делом весьма трудным.

Русские революционеры отставали от хода развития революционной ситуации. «Земля и воля» сложилась тогда, когда высшая точка крестьянского движения была уже пройдена и оно пошло на спад. К 60-м годам вполне применимы слова Ленина, относившиеся к более позднему времени: «Революционеры же отставали от этого подъема и в своих «теориях», и в своей деятельности, им не удавалось создать непрерывной и преемственной организации, способной руководить всем движением»¹²⁵.

Н. И. Утин, анализируя в статье «Пропаганда и организация. Дело прошлое и дело нынешнее» причины неудач общества, отмечал, что оно при подборе своих членов не было достаточно осмотрительно, и делал отсюда вывод: революционеры в будущем «допустят в свои смыкающиеся ряды единственно тех людей, которые совершенно согласны с ними в приемах, образе действия, в самом предположенном способе развязки, в поставленной конечной цели революционных стремлений»¹²⁶. Следовательно, «Земля и воля» не отвечала этому важнейшему требованию единства в основных вопросах революционной программы и тактики и не представляла из себя «строго составленной организации»¹²⁷.

¹²⁰ «Народное дело», 1868, № 2, 3, стр. 40.

¹²¹ «Литературное наследство». Т. 62, стр. 660—664.

¹²² «Литературное наследство». Т. 41—42, стр. 15—23;

¹²³ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 99.

¹²⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 216.

¹²⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 367.

¹²⁶ «Народное дело», 1868, № 2, 3, стр. 50.

¹²⁷ Там же.

Сравнительно широкий и пестрый в политическом отношении состав тайного общества и отсутствие опыта политической борьбы приводили к нарушению важнейшего принципа конспирации, «отступление от которого не раз губило многих людей и наносило обидный ущерб делу»¹²⁸.

Очень существенное значение имело и то, что в «Земле и воле» утвердился не централистский, а федералистский принцип построения, в силу чего ей не удалось преодолеть раздробленности революционного движения. Местная кружковая работа суживала и кругозор революционеров, «и размах их деятельности, и их конспиративную сноровку и подготовленность»¹²⁹.

Общество возникло в условиях, когда перспектива крестьянской революции летом 1863 г. создавала конкретную и, казалось, вполне реальную цель борьбы. Когда же эти надежды не оправдались и стало ясно, «что русское дело не стоит еще накануне Революции, что требуется предварительная долгая подготовка в среде самого народа»¹³⁰, «Земля и воля» оказалась не способной к решительной перестройке своей деятельности в тяжелых условиях реакции.

Хотя среди активных деятелей «Земли и воли» и были первые русские профессиональные революционеры (А. Потебня, И. Кельсиев и др.), их было крайне мало для того, чтобы сцементировать общество в крепкую организацию. «...Ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей», — писал В. И. Ленин и указывал, что «...такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью»¹³¹. Такой организацией «Земле и воле» не удалось стать. Ее наиболее активные руководители Н. Серно-Соловьевич, С. Рымаренко были арестованы одновременно со своим учителем Н. Чернышевским. Другие активные деятели общества эмигрировали в 1862—1863 гг. за границу (как Н. И. Утин, например) или убежали туда из ссылки (как И. Кельсиев). Оставшиеся же члены Центрального комитета не выдержали тяжелых испытаний¹³², спасовали перед трудностями и свернули революционные знамена.

Весьма серьезным фактором, ускорившим гибель «Земли и воли», был тот свирепый полицейско-жандармский террор, который проводило правительство начиная с 1862 г., когда «время борьбы сменилось лютым систематическим преследованием смолкнувшей партии... все, что только казалось опасным или даже подозрительным правительству и его литературным соглядатаям, было осуждено на каторгу, на поселение, на острог, на ссылку, на изгнание»¹³³.

В обстановке революционной ситуации 1859—1861 гг., падения крепостного права в России сложилось тайное общество «Земля и воля». Эта организация «революционеров 1861 года» была народнической партией крестьянской революции. В своей деятельности и стремлениях она отражала идеологию и чаяния многомиллионного русского крестьянства и держала курс на решительную ликвидацию всех пережитков крепостничества и феодально-монархического строя революционным путем.

«Земля и воля» положила начало народничеству — громадной полосе

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 9.

¹³⁰ «Народное дело», 1868, № 2, 3, стр. 42.

¹³¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 433.

¹³² О деятельности Центрального комитета весьма критически высказывался И. Кельсиев (см. «Литературное наследство». Т. 62, стр. 229) и еще более резко — А. Потебня (см. Ю. М. Стеклов. Бакунин. Т. 2, стр. 94—95).

¹³³ «Народное дело», 1868, № 2,3, стр. 39.

общественной мысли¹³⁴, которая господствовала в русском революционном движении между 60-ми и 80-ми годами XIX столетия, когда на смену ему пришел марксизм.

Создавая «Землю и волю» и направляя ее деятельность, Чернышевский, Герцен и Огарев стремились к расширению круга революционных борцов, к сближению с народными массами. Их установка на крестьянскую революцию была обусловлена конкретно-исторической обстановкой тех лет, когда «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹³⁵. В то же время программа «Земли и воли» и разрабатываемые ею планы «повсюдного военно-крестьянского восстания» носили нереальный характер, ибо революционная интеллигенция, объединенная в тайное общество, была не в состоянии практически возглавить борьбу крестьян, повести их на решительный штурм самодержавия. В условиях России это смог сделать значительно позже только рабочий класс, руководимый большевистской партией, вооруженный могучим оружием марксизма.

«Земля и воля» потерпела неудачу, но эта неудача тесно связана с одним из тех поражений русской демократии, которые Ленин характеризовал как великие, исторические поражения всей России¹³⁶.

Выдающееся историческое значение «Земли и воли» состоит в том, что это первая в истории русского освободительного движения попытка создать партию революционного переворота, проводимого не только во имя интересов широчайших народных масс, но и при их активном участии.

Несмотря на все свои недостатки, «Земля и воля» оставила глубокий след в истории русского революционного движения. Деятели ее разработали и пропагандировали важнейшую идею о партии как руководителе революционной борьбы и всенародного восстания, оказав тем самым благотворное влияние на дальнейшее развитие освободительного движения. Общество «Земля и воля» осуществило весьма широкую по масштабам того времени агитационно-пропагандистскую работу. Именно благодаря ему идеи Чернышевского, Герцена и Огарева получили такое распространение среди русской разночинной интеллигенции.

Вместе с тем «Земля и воля» пропагандировала революционные идеи и среди самих народных масс. Именно о данной эпохе В. И. Ленин писал, что «обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...»¹³⁷.

В период восстания 1863 г. «Земля и воля» отстаивала свободу Польши. Ее члены, возглавляемые А. Потебней, с оружием в руках героически сражались в рядах повстанцев и тем самым вместе с Герценом спасли «честь русской демократии»¹³⁸.

Из рядов «Земли и воли» вышли организаторы и руководители Русской секции I Интернационала. Для последующих поколений опыт «Земли и воли» не пропал даром: ее уроки, судя по всему, были учтены русскими революционерами 70-х годов. История «Земли и воли» — один из важнейших этапов в развитии русского революционного движения в XIX столетии.

¹³⁴ См. «Ленинский сборник» XIX, стр. 237.

¹³⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 27.

¹³⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 255.

¹³⁷ Там же, стр. 15.

¹³⁸ Там же, стр. 13.